

Черкозьянова Татьяна Владимировна

**УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ В ПРИНЦИПАХ
АРХАИЧЕСКОГО И СЦИЕНТИЗИРОВАННОГО ПОНИМАНИЯ СУДЬБЫ**

Принципиальный интерес обозначенной проблемы заключается в возможности изменения условий судьбы посредством духовной и психической деятельности человека. Способность субъекта к реорганизации судьбы утверждалась в древнеегипетских текстах пирамид, в многовековом опыте древневосточных духовных наставников, в практиках магических культов, а также в различных мистифицированных теориях, приобретающих в современной культуре наукообразность и ассимилятивность. В современных представлениях экспериментальной психосемантики, трансперсональной психологии, в ряде психотерапевтических направлений и философско-антропологических систем обозначенный синтез представляется предельно актуальным.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/51.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 200-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Известия. 1937. 28 сентября.
2. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ: Проект-Пресс, 1999. 2007. Т. 3. 328 с.
3. Пролетарий Осетии. 1935. 20 декабря.
4. Пролетарий Осетии. 1936. 14 июня.
5. Социалистическая Осетия. 1937. 9 мая.
6. Социалистическая Осетия. 1937. 20 июня.
7. Социалистическая Осетия. 1937. 26 июня.
8. Социалистическая Осетия. 1937. 2 октября.
9. Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: 1927-1939: документы и материалы: в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 5. 1937-1939. Кн. 1. 1937. 648 с.
10. Царикаев А. Т., Тускаева Г. Б. Политическая элита Северной Осетии: 1924-1941 гг.: биографический справочник. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 136 с.
11. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия–Алания (ЦГА ИПД РСО-А). Ф. Р-1. Оп. 2.
12. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р-16. Оп. 1.
13. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М.: РОССПЭН, 2009. Кн. 2. 1933-1945. 1095 с.
14. <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm>
15. <http://stalin.memo.ru/regions/regi60.htm>

NORTH OSSETIA REPRESENTATIVES IN “STALIN’S SHOOTING LISTS” OF 1937-1938

Alan Takhirovich Tsarikaev, Ph. D. in History
 Department of Contemporary History and Politics of Russia
 North Ossetia State University
 guldaeva.angel@yandex.ru

Basing on archival documents and periodicals materials, for the first time introduced into scientific circulation, the author considers the questions related to the fate of North Ossetia representatives, included in the so-called “Stalin’s shooting lists” during the period of Great Terror, shows the necessity to study this question in the general context of the history of the political repressions in North Ossetia, and reports the important biographical data and the circumstances of the victimization of some prominent party-soviet officials of the republic and the national intelligence representatives.

Key words and phrases: “bourgeois nationalist”; Military Collegium; “enemy of people”; counter-revolution; district committee; repressions; Trotskyist.

УДК 124.6

Философские науки

Принципиальный интерес обозначенной проблемы заключается в возможности изменения условий судьбы посредством духовной и психической деятельности человека. Способность субъекта к реорганизации судьбы утверждалась в древнеегипетских текстах пирамид, в многовековом опыте древневосточных духовных наставников, в практиках магических культов, а также в различных мистифицированных теориях, приобретающих в современной культуре наукообразность и ассимилятивность. В современных представлениях экспериментальной психосемантики, трансперсональной психологии, в ряде психотерапевтических направлений и философско-антропологических систем обозначенный синтез представляется предельно актуальным.

Ключевые слова и фразы: судьба; семантические пространства; архаика; сциентизм; философская антропология.

Татьяна Владимировна Черкозьянова, к. филос. н.
 Кафедра философии
 Оренбургская государственная медицинская академия
 philosopher_orgma@mail.ru

УСЛОВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ В ПРИНЦИПАХ АРХАИЧЕСКОГО И СЦИЕНТИЗИРОВАННОГО ПОНИМАНИЯ СУДЬБЫ®

Настоящая работа опирается на представления автора о морфогенетической сущности феномена судьбы, постулирующие, что первые представления о судьбе укореняются в воззрениях примитивных культур как

способ логического преодоления смерти [5, с. 16-27]. С этой точки зрения понятие судьбы изначально видится системным объектом и в целом – недифференцированным, аморфным новообразованием. Дифференциация возникает тогда, когда чистая модель взаимообусловленности наполняется конкретным содержанием и приобретает функции предметности. Предметная структура судьбы отрицает понятийную систему и формирует новую, элементами которой является многообразие судеб, неким непостижимым образом, целесообразно связанных между собой в единое целое. В структуре судьбы максимализированы понятия мира и человека, интегрированные в сущностное диалектическое единство. Непротиворечивая в целом система феномена судьбы выделяет внутренние противоречия, определяемые фактом соответствия ситуационных отношений, а также оценкой их целесообразности. Внутренние противоречия практически во всех концепциях судьбы рассматриваются однопорядково – как условие духовного и нравственного самосовершенствования личности.

Традиционно сложившаяся модель понимания судьбы не предполагает её причастности к качественно-состоянию линии жизни, приписывая его причины поведенческим, духовным или нравственным детерминантам субъекта судьбы. Судьба укореняется в сфере предсуществования субъекта. Практически все концепции судьбы метафизически ориентированы на предзаданность событийных координат, предшествующих рождению субъекта.

Первые представления о судьбе, аморфные, расплывчатые и укоренённые в культовых мистификациях, сохранились до сегодняшнего дня практически в неизменном виде. Они актуальны не только в среде примитивных народностей, но и в среде обыденных представлений, определяемых в качестве суеверий. В. С. Стёпин замечает: «Люди часто действуют в соответствии с программами поведения, которые сложились ещё в первобытную эпоху и которые утратили свою ценность в качестве регулятива, обеспечивающего успех практических действий» [4, с. 65]. Поэтому попытки реорганизации судьбы, распространённые в обывательской среде и основанные на архаических представлениях, малоэффективны. Тем не менее незначительная результативность использования архаических практик не умаляет их распространённости в так называемой народной магии. Как показывают результаты исследования, отсутствие эффекта применения подобных практик связано с диссоциативностью их восприятия, сознанием современного человека, укоренённого в ином семантическом пространстве. В силу этого исследование реликтовых программ требует сциентизированного подхода к архаике, основанного на её секулярном понимании. Соответственно, отношение к древности как к форме упрощённой социодаaptации – неадекватно. Так называемое примитивное мышление осуществило первичную самоорганизацию человеческого сознания и структурно позиционировало объективную реальность, сформировав мировоззренческий фундамент. В этих первичных морфогенетических представлениях человечества была определена непознаваемая сущность судьбы – непостижимая сила инобытия.

В данный период был заложен определённый смысл отчуждения из сферы жизнеобеспечения, факта человеческой смертности. Судьба выступает в данном случае границей между мирами живых и умерших. Судьба идеализирует жизнь в её наличной полноте и отражает идею смерти в минимализированных для восприятия пределах. Восприятие смерти происходит в смыслообразующем пространстве судьбы. Судьба как бы объединяет мышление субъекта с всеобщей проблемой человеческой смертности. Бытие судьбы наполняет представление о смерти полнотой вечности, безучастно взвешивая на смерть как на личную драму. В контексте понимания судьбы смерть человека не может мыслиться абсолютным процессом. Отчуждая умершего, мысль возвращает его образ. Память создаёт иллюзию его неподлинного умирания. В то же время непосредственные представления о смерти, где её фактичность определяла бы полное исчезновение бытия субъекта, не представляются возможными. Судьба – атрибут глубинных слоёв человеческой памяти, в которых происходит фиксация смыслов и дифференциация универсального контекстуального пространства с пространством собственной экзистенции. Переживание определённого ситуационно-событийного элемента бытия становится атрибутом человеческой памяти и позиционируется в пределах социокультурного опыта человечества.

С развитием монотеистической идеологии судьба рассматривается в двух аспектах: как заброшенность в мир падшего человека и как провидение, определяющее его новые пути. Тем не менее архаическое содержание универсалии судьбы в монотеизме не упраздняется: сущности, детерминирующие специфику социокультурных процессов, ассимилированы с условиями постмортального, внебожественного аспекта существования человека. Они вытесняются в демонологическую сферу смыслообразующего семантического пространства и выступают в роли исключительно деструктивных сил, характеризуюсь в качестве «падших» или «восставших» ангелов, опосредующих низшие формы личностной самоорганизации человека. Св. Дионисий Ареопагит отрицает сущностные свойства опосредованности антропоморфной реальности иерархическими духовными началами. «Ибо жизнь наша не связана с необходимостью, и Божественные лучи Небесного просвещения не помрачатся свободной волей существ, управляемых Провидением» [2, с. 405-406]. Он практически всецело отрицает судьбу как аспект бытия, выстраивая духовный иерархический срез целесообразно устроенного мира.

Обозначенное представление о взаимодействии судьбы с замыслом творца сформировалось не только в ортодоксальном вероучении христианской догматической идеологии. Оно в различной форме и с разной степенью открытости массовому сознанию репрезентировалось в различных религиозных воззрениях, а также в учениях мистиков различных традиций и в некоторых объективно-идеалистических философских системах. Соответственно, гуманистическая философия предпочитает принцип эволюционистски обоснованной теории дифференциации качественного состояния личности субъекта и его морального и духовного

статуса. Но эти теории, оторвавшись от идеологических основ всеобщего равенства, укоренились в объяснении причин качественных различий через реинкарнационную спецификацию.

Представления о судьбе сложились в тысячелетней истории человечества вполне закономерно. Проблема судьбы существовала в качестве альтернативы другим многообразным проблемам, которые человечество не было способно адекватно рассмотреть. Многовековая тайна бытия судьбы существовала в качестве непреодолимой границы познания. С развитием научных понятий монолит судьбы становится объектом редукции. Распредмеченное сознанием субъекта бытие судьбы раздробилось на осколки знания, в каждом из которых отражался лишь фрагмент объективной реальности. Попытка реорганизовать целостную и непротиворечивую картину мира на условиях научного базиса подобна складыванию мозаики из разрозненных осколков, в результате которого семантические пространства поддаются слабой дифференциации. Ярким исключением представляется гегелевская диалектика.

В системе Гегеля определение необходимости как свойства бытия, которое не отражается в сознании субъекта во всей своей предметно-целостной полноте, объясняет рациональные причины, по которым сформировалось онтологически, гносеологически и аксиологически адекватное понятие судьбы. Не случайно Гегель обращается к архаическому пониманию судьбы. Отрицая идеологические инсинуации монотеистической теологии, он выводит понятие судьбы из сущностной структуры дифференцированного отношения между разумом Бога в отношении к миру и между разумом человека, постулирующего объективную реальность по условиям её субъективации. «Древние, как известно, понимали необходимость как судьбу, а современная точка зрения есть, скорее, точка зрения утешения. Последняя состоит вообще в том, что, отказываясь от наших целей, наших интересов, мы делаем это в надежде получить возмещение за самоотречение. Судьба, напротив, не оставляет места для утешения. Присматриваясь ближе к представлению древних о судьбе, мы убеждаемся, что оно, однако, показывает нам отнюдь не картину несвободы, а скорее, наоборот, картину свободы. Это получается потому, что несвобода основана на удерживании противоположности, так что мы признаём то, что есть и совершается, находящимся в противоречии с тем, что должно быть и совершаться. Напротив, древние мыслили следующим образом: так как нечто есть, то оно именно таково, каким оно должно быть. Здесь, следовательно, нет антагонизма и, значит, нет также несвободы, печали и страдания. Это отношение к судьбе, несомненно, как мы заметили раньше, не оставляет места для утешения; но такое умонастроение и не нуждается в утешении именно потому, что здесь субъективность ещё не достигла своего бесконечного значения» [1, с. 324].

С развитием диалектической методологии понятия «случайность» и «необходимость» обретают статус онтологических категорий, в то время как «судьба» становится одним из атрибутов праксеологии в структуре принципа деятельности. С развитием сциентистски ориентированного отношения к психологии проблема судьбы упраздняется и в пределах исследования субъективной реальности. Современная сциентизированная психология также дифференцирует внутренний мир человека на частные условия восприятия фрагментов реальности. Значимость объяснения феномена судьбы в качестве синтетического основания спецификации индивидуализированного субъектного бытия постулирована мыслящими психологами и требует философского анализа. Главная проблема, на которую обращается в данном случае внимание исследователей, заключается в дезинтегрированном понимании сущностных особенностей смерти и судьбы. В сложившихся условиях доминирующую роль играет точка зрения «утешения» в гегелевском понимании.

Воссоздание религиозной картины мира во многом определилось спецификой базисных детерминант принципа деятельности. В современном религиозном мировоззрении укореняются деятельностно-активные тенденции антропоцентристского характера, что противоречит основным традиционным концепциям православия. Наблюдается маргинализация веры, спонтанно переходящая в массовое религиозно ориентированное суеверие. Представляется чрезвычайно важным воссоздание иерархической структуры бытия, в котором отношения мир – человек опосредованы его судьбой. Падший человек, отрицаемый божественной субстанцией, обретает судьбу по божьему волеизъявлению. Подобное религиозное отношение к миру, как отмечал Гегель, способно восстановить мир в сознании верующего в том виде, в котором он представлен данным уровнем бытия в системе божественных творений. Осознание судьбы как данных богом условий для духовной самореализации упраздняет негативное восприятие реальности и, в соответствующей степени, нивелирует формирование нравственных пороков, отрицаемых религией.

Воскрешение статуса судьбы в системе новых координат осмысления мира определит логико-гносеологическую структуру трансцендентальной реальности и способов её имманентизации по отношению к уникальности человеческого бытия. На судьбу как факт бытия обратил пристальное внимание современный богослов протоирей Георгий Нейфах. Сущность судьбы человека он видит в мотивациях его морального выбора, так как «с человека есть спрос, он выбирает, кем ему быть» [3, с. 161].

Архаические представления о судьбе опираются на мировоззренческий фундамент мифа. Они выступают в качестве первичной основы самоорганизации сознания. При их посредстве структурируется картина объективной реальности. Эти положения показывают беспрецедентную значимость феномена судьбы. В процессе развития исторического сознания человеческого общества понятие судьбы подвергается опыту редукции. Изначальные представления о судьбе утратили свою актуальность и ассимилировались с тенденциями суеверий. Тем не менее основополагающие характеристики судьбы отражают сущностное содержание антропоморфного аспекта реальности, что является немаловажным в формировании сциентизированных представлений о человеке.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.: РАН, 1975. Т. 3. Ч. 3. Философия духа. 372 с.
2. Мир ангелов и демонов и его влияние на мир людей. Изд-е 2-е. М.: ДАРЪ, 2008. 592 с.
3. Протоиерей Георгий Нейфах. Промысел Божий и человеческая свобода. М.: Правило веры, 2009. 431 с.
4. Стёпин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61-72.
5. Черкозьянова Т. В. Понятийные основания феномена смерти в концептуализировании судьбы. Оренбург: ИП Кострицын, 2010. 163 с.

**SEMANTIC SPACES TRANSFORMATION CONDITIONS IN PRINCIPLES
OF ARCHAIC AND SCIENTISTIC UNDERSTANDING OF DESTINY**

Tat'yana Vladimirovna Cherkoz'yanova, Ph. D. in Philosophy
*Department of Philosophy
Orenburg State Medical Academy
philosopher_orgma@mail.ru*

The fundamental interest of the designated problem is in the possibility of destiny conditions change by means of human spiritual and mental activity. The ability of a subject to destiny reorganization was affirmed in ancient Egyptian pyramid texts, in ancient oriental spiritual teachers' centuries-old experience, in the practices of magic cults, as well as in various mystified theories acquiring academes and assimilative nature in modern culture. According to the modern views of experimental psycho-semantics, transpersonal psychology, in some psychotherapeutic directions and philosophical-anthropological systems the designated synthesis seems to be extremely topical.

Key words and phrases: destiny; semantic spaces; archaic character; scientism; philosophical anthropology.

УДК 78

Искусствоведение

Статья посвящена детской фортепианной музыке русского композитора-эмигранта, исполнителя и педагога Сергея Эдуардовича Борткевича. В публикации представлена история создания фортепианных циклов в тесной взаимосвязи с биографией композитора, многолетней перепиской с нидерландским пианистом Хуго ван Даленом. Также дан подробный образно-тематический анализ циклов, некоторых наиболее интересных пьес. Перевод используемых в статье иностранных материалов осуществлён автором.

Ключевые слова и фразы: детская фортепианная музыка; автобиографичность; композитор; цикл миниатюр; сюита; *haustmusik*; русский эмигрант.

Елена Александровна Шефова

Кафедра истории и теории музыки

*Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова
shefova_e@mail.ru*

«PER ASPERA AD ASTRA» (ПО СТРАНИЦАМ ТВОРЧЕСТВА СЕРГЕЯ БОРТКЕВИЧА)[©]

За прошедший XX век в нашей стране сменилось несколько поколений музыкантов, к сожалению, мало знающих музыку таких отечественных композиторов, как Александр Гречанинов, Николай и Александр Черепнины, Сергей Борткевич. А между тем их сочинения образовали целый пласт русской музыки и, в частности, произведения для детей, способные восхищать и радовать самых взыскательных ценителей музыкального искусства.

Лишь узкий круг исследователей и музыковедов знают: рядом со Скрябиным и Рахманиновым, Глазуновым и Метнером росла, крепла, утверждалась слава этих самобытных художников – тонких лириков, выбравших нелегкий тернистый путь в музыке, которым они прошли до конца своих дней.

«Россия № 2» – именно так называют эмиграцию 1920-1930 годов. Несмотря на то, что «гриф секретности» с этого огромного пласта русской истории снят в 90-е годы, идеологическая трактовка творчества этих композиторов, хоть и негласно, остается прежней.

И снова зададимся вопросом: отчего же мы ничего не знаем об этих композиторах? Об их музыке? Почему после без малого восьми десятилетий забвения их сочинения, к сожалению, все еще не известны широкому кругу музыкантов? По какой причине сочинения этих композиторов не перечислены в каталогах большинства музыкальных издателей? Уместно напомнить трюизм, что не из одних вершин складывается культура. К сожалению, музыковедческие исследования зачастую исчерпываются привычными именами.